

антропологические и аксиологические. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2012. С. 299-317.

Финогентов, 2023 – *Финогентов В. Н.* Будущее: наше и не наше: Философская мозаика. Орёл: Издательство «Картуш», 2023. 300 с.

Фукуяма, 1990 – *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.

Шпенглер, 1993 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

Ясперс, 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

УДК 303.4

Ноздрунов А. В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Социальные регулятивные системы: типология, взаимодействие и оценка устойчивости через формулу универсальной полезности

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-20-30

Статья посвящена анализу социальных регулятивных систем, их типологии и взаимодействию на основе формулы универсальной полезности. Автор разделяет нормы на внешние (традиционные и законодательные) и внутренние (моральные), подчеркивая роль доминантных систем (универсальных или локальных), которые формируют базовые правила поведения, и периферийных, обеспечивающих гибкость и культурное разнообразие. Центральным элементом исследования выступает формула, интегрирующая параметры соблюдения норм, вероятности санкций, социального давления и коллективной выгоды. Она позволяет оценить устойчивость регулятивных систем и определить доминирующий тип в конкретном социокультурном контексте.

Ключевые слова: социальные регулятивные системы; социальные нормы; типология социальных норм; доминантный тип социальной регуляции.

Nozdrunov A. V.,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I. S. Turgenev.

Social Regulatory Systems: Typology, Interaction, and Stability Assessment Through the Formula of Universal Utility

The article analyzes social regulatory systems, their typology, and interaction based on the formula of universal utility. The author divides norms into external (traditional and legislative) and internal (moral), emphasizing the role of dominant systems (universal or local), which establish basic behavioral rules, and peripheral ones, ensuring flexibility and cultural diversity. The central element of the study is a formula integrating parameters such as norm adherence, probability of sanctions, social pressure, and collective benefit. This formula allows for assessing the stability of regulatory systems and identifying the dominant type within a specific sociocultural context.

Keywords: *Social regulatory systems; Social norms; Typology of social norms; Dominant type of social regulation.*

Социальное поведение человека детерминировано практически бесконечным количеством социальных норм, регламентирующим его поведение в тех или иных ситуациях. Подобные нормы могут быть типологизированы в двух различных модальностях. В первом случае, мы можем осуществить данную типологизацию в рамках их внешних характеристик, то есть социокультурного контекста их реализации. В таком варианте мы получаем различные системы фундаментальных нормативных комплексов, таких как религия или право. Во втором случае, подобная типологизация затрагивает внутренние характеристики норм, а именно их функции [Бобнева, 1978: 61] и санкции, способные быть как позитивными, так и негативными [Дарендорф, 2002: 201], которые, в свою очередь, включают в себя способы их фиксации и репрезентации, механизмы легитимации, степень тотальности и так далее. В таком случае мы можем выделить три типа наиболее устойчивых социальных регулятивных систем, а именно: традиционный, законодательный (институциональный) и моральный типы. В рамках данного исследования мы будем типологизировать нормы по их внутренним характеристикам.

При этом, в зависимости от субъекта, представленные социальные регулятивные системы можно разделить на два основных вида: «внешние» системы социальной регуляции, к которым относятся традиционный и законодательный типы; а также внутренняя, к которой можно отнести моральный тип социальной регуляции. Внешние регулятивные системы устанавливают формальные нормы и правила, которые регулируются и контролируются социальной группой. Внутренние регулятивные системы основываются на личных убеждениях и ценностях индивида. Они определяют поведение через саморегулирование и самооценку, где санкции носят субъективный характер, такой как чувство стыда или раскаяния.

С одной стороны, между внешними и внутренними типами социальной регуляции может существовать определенная корреляция, так, например, О. Г. Дробницкий отмечал, что: «Правящему классу всегда удастся навязать другим социальным группам образ своего мышления и поведения, в том числе и нравственные нормы (разумеется, не во всем, а только в тех областях социального поведения, где эти нормы имеют общесоциальное значение)» [Дробницкий, 2002: 281]. Иначе говоря, социальная группа поддерживает в индивиде моральные установки, не противоречащие нормам доминирующего типа социальной регуляции. С другой стороны, внутренние убеждения могут влиять на восприятие и исполнение внешних норм, иногда приводя к конфликтам между ними, то есть вносить индивидуальный, субъективный компонент в контекст социального поведения. Тем не менее, если функционирование социальной группы находится в относительной стабильности, то подобные конфликты не могут носить массовый и продолжительный характер. В противном случае, мы можем наблюдать один из двух вариантов. В первом случае, когнитивный диссонанс между внешними и внутренними регулятивными системами приводит к росту аномии [Мертон, 2006: 300], то есть нарушению стабильности функционирования данной группы. Во-втором случае, происходит эффект, названный Л. Фестингером «вынужденным согласием» [Фестингер, 2018]. По этой причине мы сфокусируем свое внимание исключительно на внешних типах социальной регуляции.

К внешним типам социальной регуляции относятся традиционный и законодательный типы. Каждый из них имеет ряд уникальных особенностей. Рассмотрим их ниже.

Традиционные нормы охватывают всех членов социальной группы, будь то семья, племя или община. Они действуют в пределах определенной территории или социального пространства, что обеспечивает их устойчивость и повсеместное применение внутри социальной группы. Традиционные нормы имеют тенденцию к цикличности, что способствует их закреплению в коллективной памяти и передаче из поколения в поколение. Практически все традиционные нормы письменно не фиксируются, при этом они часто не имеют внешнего рационального обоснования и не подвергаются критическому анализу. Нормы подобного типа воспринимаются как данность и поддерживаются коллективным сознанием. Как правило, их авторство остается анонимным, так как оно либо приписывается социальной группе целиком («мы»), либо же в качестве автора используется легендарная или полULEГЕНДАРНАЯ фигура из прошлого. Выполнение традиционных норм контролируется социальным окружением. Санкции за нарушение могут включать общественное осуждение, изгнание или другие формы социального давления.

В свою очередь законодательные нормы создаются и утверждаются официальными институтами, такими как государственные органы,

административные структуры или законодательные собрания. Это обеспечивает их легитимность и обязательность для исполнения. Нормы подобного типа обычно записываются в виде законов, правил, постановлений и других официальных документов, что обеспечивает их четкость и доступность для общества, а их содержание, как правило, основывается на рациональных принципах и логике, что делает их более предсказуемыми и понятными для исполнения. За нарушение законодательных норм предусмотрены четкие санкции, которые могут включать штрафы, лишение свободы, лишение прав и другие меры. В данном случае санкции заранее определены и формализованы, а их исполнение поддерживается и контролируется специальными инстанциями, такими как полиция, суды и другие органы исполнительной власти, что обеспечивает их соблюдение. Законодательный тип социальной регуляции распространяется на всех членов общества в рамках юрисдикции и не зависит от личных убеждений или культурных традиций, что обеспечивает равноправие и справедливость.

При этом значение различных типов социальной регуляции для отдельно взятой социальной группы не равнозначно. Современные нормативные комплексы включают в себя нормы социальной регуляции разных типов. Например, в процессе дорожного движения поведение водителя, с одной стороны, регулируется правилами дорожного движения, то есть нормами законодательного типа, а с другой – неформальными правилами «вежливости» на дороге. Если экстраполировать данный пример на Россию (в других странах ситуация может оказаться принципиально иной), то в нем мы однозначно можем сказать, какой тип социальных норм окажется более значимым. Другими словами, при «конфликте» между различными типами социальных регулятивных систем человек будет отдавать предпочтение одной из них. Подобную систему мы условно будем называть «доминантным типом». Таким образом, доминантная система регуляции занимает ведущее положение по сравнению с другими регулятивными системами, что позволяет ей определять основные правила и нормы поведения в обществе. Кроме того, она оказывает значительное влияние на мировоззрение и мышление индивидов, формируя их поведенческие и ценностные ориентации.

Будучи частью общества, человек, в то же самое время является частью отдельно взятых субгрупп, формирующих определенную иерархию. Например, подобная иерархия может выглядеть следующим образом: Страна – город – район, или же транснациональная компания – представительство в отдельной стране – локальные подразделения. Данная особенность весьма важна по той причине, что доминантный тип социальной регуляции, характерный для социального образования в целом (страна, транснациональная компания и так далее) и для его локальных субгрупп, может не совпадать. Так, например, социокультурное пространство Европы всецело находится во власти

традиционного типа социальной регуляции, но в то же самое время, в аксиологической основе христианства, и, следовательно, организациях, сформированных на ее основе (монастыри, кафедры и так далее), уже заложены нормы законодательного типа, вытесняющие традиционный тип социальной регуляции на периферию [Ноздронов, 2017]. По этой причине доминантный тип социальной регуляции, характерный для вершины социальной организации (например, социокультурного пространства страны или континента), мы условно будем обозначать как «универсальный доминантный тип», в то время как доминантный тип социальной регуляции, характерный для субгрупп, мы условно будем обозначать как «локальный доминантный тип». Если же попытаться проиллюстрировать различие между универсальными и локальными доминантными типами в качестве образа, то универсальная доминанта выступает в качестве фона, или основного нарратива социального пространства, в рамках которого происходит общая оценка социального поведения. Локальная доминация – это набор социальных моделей, регулирующих поведение в конкретной социальной группе.

Регулятивные системы, не являющиеся доминантными, можно условно обозначить как «периферийные». С одной стороны, они подчиняются доминантной системе и могут быть ограничены в своем воздействии, функционируя в тех сферах, где доминантная система не охватывает все аспекты социального взаимодействия. В качестве примера, рассмотрим спортивную игру в теннис в том виде, в котором ее описывал Л. Витгенштейн: «в теннисе не больше правил относительно того, как высоко подбрасывать мяч и с какой силой по нему бить; и все же теннис – игра со своими правилами» [Витгенштейн, 2018: 61]. То есть, несмотря на то что современный спорт за счет своей жесткой регламентации является продуктом законодательной регулятивной системы [Элиас, 2006: 52], в нем остается место для нерегламентированных особенностей, в рамках которых игрок вынужден опираться в своих действиях на нормы периферийных регулятивных систем, например, установки, сформированные в спортивном сообществе (традиционный тип социальной регуляции) или индивидуальные моральные представления о спортивном состязании (моральный тип социальной регуляции).

С другой стороны, они обеспечивают разнообразие и гибкость в регулировании поведения и способствуют культурному многообразию в обществе, так как оказывают непосредственное влияние на формирование и поддержание социальной идентичности внутри группы, предоставляя её членам уникальные нормы и ценности, которые отличают их от остальных социальных групп.

Периферийные нормы социальной регуляции в большей степени оказывают воздействие на локальный тип доминации, нежели на универсальный, так как «соприкосновение» различных типов регулятивных систем

осуществляется в модальности конкретных, единичных социальных норм, нежели на абстрактном мировоззренческом уровне. Иначе говоря, мы практически безошибочно можем выделить универсальный доминантный тип социальной регуляции, так, например, в Европе смена доминантного типа с традиционного на законодательный осуществляется на стыке Средних Веков и Нового Времени [Ноздрунов, 2019]. Однако локальная доминация подразумевает значительно больше вариантов, так как она может быть уникальной для каждой отдельной социальной группы или же типа организации подобных групп.

Понимание значения того или иного типа социальной регуляции для конкретной социокультурной системы или социальной модели организации позволяет, с одной стороны, делать относительные прогнозы реакции данной социальной системы на те или иные изменения, а с другой – попробовать спрогнозировать поведенческую реакцию отдельно взятых индивидов.

В рамках данного исследования мы будем рассматривать социальную группу в модальности социального атомизма, то есть такого подхода, при котором социальная группа «состоит из изолированных индивидов («атомов»), вступающих в социальные взаимодействия для реализации собственных интересов и целей» [Новая философская энциклопедия, 2010: 201]. Иначе говоря, мы будем исходить из того, что конечной целью следования тем или иным социальным нормам должна выступать определенная выгода для каждого отдельно взятого индивида. Совокупность подобных целей будет создавать устойчивую (или, если пользоваться языком математической теории игр – равновесную) социальную систему. Безусловно, в полной мере подобное предположение может быть справедливым только при условии того, что все участники данной системы будут вести себя рационально, что, как показывает в своей саркастической работе К. Чиполла, далеко от истины [Чиполла, 2023: 49]. Тем не менее, как мы уже отмечали выше, подобная иррациональность может быть имплицитно включена в нормы традиционного типа, а, следовательно, быть частью или же основой данной социальной структуры.

Тем не менее, за очень редким исключением, между членами социальной группы начинают выстраиваться определенные взаимоотношения. В таких условиях каждый индивид чувствует на себе давление всей социальной группы или же ее отдельно взятых, значимых элементов. В различных социальных коллективах степень коллективного давления может существенным образом отличаться, но данный фактор также необходимо учитывать.

В качестве формальной основы данных факторов мы будем использовать принцип Benefits – Costs (выгода – затраты), которую в наиболее упрощенном виде можно выразить в качестве общей формулы универсальной полезности ($U = \sum(\text{Выгоды} - \text{Затраты})$). Модификации данного принципа в экономике, например, в работе Масгрейва [Musgrave, 1989: 135-145]; в социологии,

например, в работе Г.С. Беккера [Беккер, 2003: 282-352]; в социальной психологии, например, в работе Тибо и Келли [Thibaut, 1959: 31-50] и так далее. В некоторых работах используется только логический принцип построения данной конструкции, в других – непосредственная модификация самой формулы, пример чему мы можем найти в работе Г.С. Беккера, в которой он рассчитывает ожидаемую полезность от совершения правонарушения по формуле [Becker, 1974: 10]:

$$EU_j = p_j \cdot U_j \cdot (Y_j - f_j) + (1 - p_j) \cdot U_j(Y_j)$$

В рамках нашей работы мы также будем использовать принцип универсальной полезности, модифицированный под цели нашего исследования. В данном случае мы будем использовать следующие переменные.

Вес той или иной регулятивной системы во многом зависит от универсального доминантного типа социальной регуляции. Тем не менее, данный показатель не бинарный, за счет периферийных систем социальной регуляции. По этой причине, несмотря на то что значение одной регулятивной системы будет выше в том случае, если она является доминантной, данный показатель все равно является субъективным параметром, который зависит от контекста и целей исследования. Он не имеет «абсолютного» значения и всегда требует эмпирической или экспертной проверки.

«Соблюдение» и «Нарушение» социальных норм данной регулятивной системы – взаимоисключающие параметры, то есть, если 60 процентов законодательных норм соблюдается в данной социальной группке, то, следовательно, 40 процентов будет нарушаться. Если мы не рассматриваем утопические модели организации общества, то мы вынуждены признать, что ни в одной социальной системе при длительном измерении мы не встретим стопроцентного исполнения всех социальных норм. Что может быть связано с целым рядом причин, начиная от устаревания функционирующих норм и заканчивая их индивидуальным неприятием определенной части данной группы. Кроме того, существует множество факторов, стимулирующих или, наоборот, провоцирующих группу соблюдать или нарушать установленные нормы. К таким факторам, например, мы можем отнести «разбитые окна» [Wilson, 1982], «деиндивидуацию» [Зимбардо, 2014] и так далее. Верифицировать данные показатели можно при помощи статистики (правда к данному методу нужно относиться настороженно, так как, как правило, в статистику попадают только «пойманные» нарушения), анкетированием участников группы или же эмпирическим наблюдением (очевидно, что если под табличкой «курение запрещено» постоянно лежат новые окурки, то данная норма в данной группе не соблюдается). При этом важно отметить, что, как правило, нарушение социальной нормы является наиболее заметным, а, следовательно, в

большинстве случаев мы можем верифицировать именно данный параметр и на его основе подсчитать процент «соблюдения»

Следующий параметр представляет собой совокупный выигрыш индивида от следования социальным нормам. Как и в математической теории игр, подобный выигрыш может быть как положительным, так и отрицательным. В данном контексте, стоит подробнее остановиться на отрицательном выигрыше. Как уже отмечалось выше, рациональный агент должен стремиться к максимизации своей выгоды, то есть если выполнение социальных норм приносит отрицательный выигрыш, то подобным нормам лучше не следовать. Однако длительно функционирующая социальная система стремится к определенному равновесному состоянию, включающему в себя совокупность множества факторов. Например, в том случае, если строгость санкций будет перевешивать ущерб от функционирующей социальной нормы, индивид скорее предпочтет следовать данной норме. Наиболее наглядно данный принцип мы можем увидеть в тоталитарных системах, при которых стабильность достигается чрезмерной санкционной строгостью. Например, Х. Аренд так описывает основную функцию террора: «Террор – это осуществление внутреннего закона движения; его главная цель – обеспечить силам природы или истории свободный бег сквозь косную среду человечества, бег, не тормозимый никаким стихийным, самопроизвольным человеческим действием. Террор, как таковой, стремится «стабилизировать» людей» [Арендт, 1996: 603].

Еще одним значимым параметром выступает вероятность того, что нарушение нормы регулятивной системы будет обнаружено и повлечёт санкции. Наиболее наглядно данный параметр иллюстрируется народной поговоркой: «строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения». Иначе говоря, чем ниже вероятность того, что индивид будет наказан, тем больше вероятность того, что он позволит себе нарушать те или иные социальные нормы, и наоборот, неотвратимость наказания понижает данный фактор [Nagin, 2013]. Данный показатель можно рассчитать, основываясь на статистику (соотношение совершенных и раскрытых нарушений) экспертной оценки и так далее.

Еще одним параметром выступают виды санкций, предусмотренных за нарушение норм регулятивной системы определенного типа. Иначе говоря, данный параметр определяет, какие последствия ждут индивида в случае несоблюдения норм. В качестве таковых может выступать денежный штраф, остракизм, смертная казнь и так далее. Кроме того, сюда же можно отнести различные модификации, реализуемые в рамках одного и того же вида санкций. Данную особенность можно увидеть в работе М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», которую он начинает следующим примером: «Второго марта 1757 г. Дамьена приговорили к «публичному покаянию перед центральными воротами Парижского Собора»; его «надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фунта в руках», затем «в

той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздиранья раскаленными щипцами сосцов, рук, бедер и икр возвести на сооруженную там плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавленного воска и расплавленной же серы, затем разодрать и расчленив его тело четырьмя лошадьми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру» [Фуко, 1975: 6].

Таким образом, используемая в рамках данного исследования формула получает следующие вид:

$$U_i = \sum_j^2 w_j (S_j \cdot R_j - N_j \cdot p_j \cdot c_j) =$$

$$U_i = w_z \cdot (S_z R_z - N_z \cdot p_z \cdot c_z) + w_t \cdot (S_t R_t - N_t \cdot p_t \cdot c_t),$$

где:

U_i – универсальная полезность;

w_j – общий вес регулятивной системы, отражающий значимость системы для социальной группы, с диапазоном от 0 до 1;

j – тип рассматриваемой регулятивной системы (z для законодательной и t для традиционной);

S_j – соблюдение регулятивных норм с диапазоном от 0 до 1;

R_j – коэффициент значимости соблюдения социальных норм для исследуемой социальной группы, с диапазоном от -1 до +1, или же, говоря языком математической теории игр «выигрыш за соблюдение норм»;

N_j – нарушение регулятивных норм с диапазоном от 0 до 1;

p_j – вероятность обнаружения нарушения, где $p_j = \frac{p_j^v}{p_j^r}$, то есть

отношение совершенных нарушений раскрытым;

c_j – количественный показатель санкций разных видов ($c_j^N + 1$).

Таким образом, мы можем посчитать вес «полезности» каждого типа социальной регуляции, после чего сравнить получившиеся значения. В том случае, если вес одного типа социальной регуляции будет явно превышать показатель второго типа, мы можем сделать вывод о том, что данный тип является локальным доминантным типом для данной социальной системы, и, следовательно, ориентироваться нужно на него. Отрицательное значение одного из типов социальной регуляции показывает нестабильность данной регулятивной системы (но не всей социальной конструкции), что может привести к увеличению аномии или контрнормам определенного типа.

Кроме того, линейность данной формулы позволяет нам вычислить один или несколько (в виде диапазонов значений) неизвестных параметров, при условии, что мы примерно знаем значение U . Нечто подобное может быть, если мы уже знаем, какой тип регулятивной системы является локальной доминантой.

Безусловно, определить точное значение каждого из параметров может быть проблематично. Иначе говоря, в зависимости от цели и методов исследования, значение одного или нескольких параметров может иметь диапазон значений. В качестве одного из вариантов решения подобной проблемы можно использовать интервальный метод анализа. Так как соблюдение и нарушение нормы являются взаимоисключающими параметрами, можно провести расчет максимального и минимального значения для каждого из них. Например, «*Rmin*», «*Стах*», после чего сравнить оптимистичный и пессимистичный сценарии. В качестве другого варианта можно использовать усредненное значение.

Список литературы

- Арендт, 1996 – *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Беккер, 2003 – *Беккер Г. С.* Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
- Бобнева, 1978 – *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Витгенштейн, 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.
- Дарендорф, 2002 – *Дарендорф Р.* Homo Sociologus: Опыт об истории, значении и критике категории социальной роли. М.: Праксис, 2002. 536 с.
- Дробницкий, 2002 – *Дробницкий О. Г.* Моральная философия. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
- Зимбардо, 2014 – *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 740 с.
- Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: хранитель, 2006. 873 с.
- Новая философская энциклопедия, 2010 – Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
- Ноздронов, 2017 – *Ноздронов А. В., Родина В. А.* Религия как фактор трансформации доминантного типа социальной регуляции // Булгаковские чтения: сборник статей по материалам X Международной научной конференции. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2017. С. 129-135.

Ноздрунов, 2019 – *Ноздрунов А. В.* Трансформация социальной регулятивной парадигмы Европы на рубеже Средних веков и Нового времени // Человек. Общество. Инклюзия. 2019. № 2(38). С. 27-35.

Фестингер, 2018 – *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М.: Эксмо, 2018. 256 с.

Фуко, 1975 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 1975. 226 с.

Чиполла, 2023 – *Чиполла К.* Фундаментальные законы человеческой глупости. М.: АСТ: CORPUS, 2023. 160 с.

Элиас, 2006 – *Элиас Н.* Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3(54). С. 41-62. URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/54/03.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

Becker, 1974 – *Becker G. S.* Crime and Punishment: An Economic Approach // Essays in the Economics of Crime and Punishment / Eds. G. S. Becker, W. M. Landes. New York: NBER, 1974. <https://www.nber.org/system/files/chapters/c3625/c3625.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

Musgrave, 1989 – *Musgrave R. A., Musgrave P. B.* Public Finance in Theory and Practice. New York: McGraw-Hill Book Company, 1989. 617 p.

Nagin, 2013 – *Nagin D.S.* Deterrence in the Twenty-First Century // Criminology & Public Policy. 2013. № 1(12). P. 199-205.

Thibaut, 1959 – *Thibaut J. W., Kelley H. H.* The Social Psychology of Groups. New York: John Wiley & Sons, 1959. 313 p.

Wilson, 1982 – *Wilson J, Kelling G.* Broken Windows // The Atlantic Monthly. – 1982. – URL: http://www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

УДК: 101.9+ 32.019.51

Титова Е. Ю.,

*ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии,
Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России*

Эволюция носителей знания: от философа к инфлюенсеру

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-30-41

Статья посвящена проблеме эволюции носителей знания от эпохи античности до наших дней. Автор рассматривает пять сменяющихся фигур: философа, ученого, интеллектуала, эксперта и инфлюенсера – как единую, исторически сложившуюся последовательность и сравнивает их между собой. Основанием для сравнения являются социальные функции и специфика